

● ИЗ ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОШЛОГО

ДАЛЕКИЕ ВСТРЕЧИ

В разные годы свердловчане могли видеть и слышать многих известных исполнителей: А. Батурина, М. Литвиненко-Вольгемут, Э. Гилельса, С. Мигая, А. Нежданову, Г. Нейгауза, И. Патержинского. В нашем городе Д. Ойстрах впервые в своей концертной практике исполнил концерт «Брамса, который потом стал одним из коронных номеров его репертуара. Проходили в Свердловске и авторские вечера композиторов Р. Глиэра, Д. Кабалевского, Д. Шостаковича. Из эстрадных артистов можно назвать негритинскую певицу Целестину Коол, певшую в сопровождении чехословацкого джаза, И. Набатова, Л. Утесова, И. Юрьеву. Список гостей неисчерпаем. Но о некоторых из них хочется рассказать подробнее...

Сейчас заслуженного артиста РСФСР Александра Менакера любители эстрады помнят как одного из участников театра двух актеров, в котором он выступал вместе с М. Мироновой. А в середине тридцатых годов Менакер, состоявший еще юный, приезжал в Свердловск во главе так называемого «Джаз-театра».

Героями Менакера были красивые, элегантные и чутко ироничные молодые люди. В самом популярном спектакле «Джаз-театра» по пьесе «Туда и обратно» ему досталась роль музыканта Алика. Алик критически относился к советскому джазу и считал, что настоящий джаз существует только за рубежом. Но, отправившись в заграничное турне, он наглядно убедился в своей ошибке. В фашистской Германии у Алика, прежде чем разрешить ему выступать на сцене, измерили лоб и нос. Соответствуют ли они размерам истинного арийца? В США Алик встречал на улице безработных музыкантов-негров...

Второй акт проходил на палубе советского крейсера. Возвратившись из-за границы, Алик знакомился с номерами краснофлотской самодеятельности, сам принимал в том концерте активное участие и под занавес откровенно рассказывал о былых заблуждениях. Надо заметить, что Менакер нигде не переигрывал, очень тактично общался с партнерами, не подчеркивал своего премьерства.

Если в первом акте вся джазовая программа вместе с танцами воспринималась как пародия, то во втором все было по-иному. Звучали советские песни, лирические и шуточные, исполнялись лихие матросские пляски. Многие номера приходилось бисировать. После спектакля зрители расходились по домам в приподнятом настроении...

Сейчас в театре нет такого амплуа как «трагик». Те актеры, которые играют в пьесах трагические роли, все поступки героя, раскрывают в ансамбле остальных действующих лиц. Но по-иному выглядели трагедийные спектакли у Ваграма Папазяна. Этого актера, пожалуй, можно назвать последним «чистым трагиком» нашей страны. Лишь в былые времена встречались подобные гастролеры, кочевавшие по провинциям дореволюционной России.

Папазян в предвоенные годы неоднократно приезжал в Свердловск. Его репертуар состоял из таких пьес, как «Гражданская смерть», «Уриэль Акоста», «Анна Кристи», «Отелло». Особенно успешно выступал он в «Отелло». Правда, настоящего представления о шекспировской трагедии зрители не получали. Дело заключалось в том, что главный герой оказывался здесь сам по себе, а остальные герои — сами по себе. И Дездемона, и Яго, и Кассио

только подавали реплики. Но зрительный зал их все равно воспринимал, воспринимал через Отелло.

Как же выглядел Отелло в трактовке Папазяна? Ни ревность, ни подозрительность, ни обманутое доверие актер не играл. Он раскрывал трагедию человека иного цвета кожи, который был чужаком в высшем венецианском обществе. Его Отелло прекрасно понимал, почему его терпят, ведь он нужен здесь как военный деятель. И когда Отелло — Папазян узнавал об «измене Дездемоны, то как надрывно и жалобно звучал его возглас: «Я — черный...». В ярости он одним прыжком мог взлететь на высокой постройке. Около спящей Дездемоны Папазян издавал какой-то судорожный, нечеловеческий звук. Правда, потом я узнал от одного из статистов, что Папазяну незаметно из-за занавески подавали стакан воды. И он, стоя спиной к публике, полоскал горло. Но мы этого не видели, не замечали и воспринимали все, как страдание Отелло.

Обстановка в спектаклях Папазяна была убогой, как у дореволюционных гастролеров-трагиков: канцелярские стулья, бутылки из-под фруктовой воды, шатающийся столик, шатающаяся колонна. Но сам актер оказывался таким искренним, что силой своего огромного таланта заставлял забывать и его слабых партнеров, и весь нелепый сценический антураж. Зрители бывали потрясены.

Выступал в Свердловске в начале 1938 года и заслуженный артист РСФСР Б. С. Борисов, бывший премьер московского театра Корша, знаменитый исполнитель песен на слова Беранже. Он был уже довольно пожилым человеком, но своим обаянием, улыбой с первой же минуты завоевывал зрителей. Микрофонов на сцене тогда

не было. Но все, что говорил и пел Борисов, было слышно в самом конце зала. Французский поэт обрел в его лице одного из лучших своих интерпретаторов. Артист прекрасно понимал стиль Беранже, его облаченную в шутивную форму сатиру, за которой скрывались и социальные мотивы, и протест.

Так же мастерски играл собственных песнях и А. Вертинский. Но это было уже после Великой Отечественной войны. Слухи о том, что он недавно вернулся из эмиграции и гастролирует в разных городах, доходили и до Свердловска. Наконец летом 1946 года его выступления состоялись и у нас, в саду имени Вайнера. Теперешнее поколение знает Вертинского по грампластинкам. Но этого артиста надо было не только слышать, но обязательно и видеть. Как помогали ему создавать нужный образ его руки и плечи! Лишь одним жестом он мог изобразить маленькую балерину и показать, как «точно кружились влюбленные пары», или поворотом плеча представить, как «от ветра ломится банан».

После одного из концертов Вертинского мы с товарищами решили пойти к нему за кулисы и выразить благодарность за большое искусство.

— Спасибо! — смущенно сказал Вертинский и заинтересовался: — А с кем я разговариваю?

— Со студентами Уральского университета, — пояснил я и, протягивая записную книжку, спросил: — Оставьте, пожалуйста, нам на память автограф.

— Хорошо, — ответил Вертинский. — Только у меня всегда какая-то министерская роспись получается...

Эта книжечка в моем архиве хранится до сих пор. В ней лиловым карандашом написано:

«Студентам Уральского университета обо мне и моих песнях. А. Вертинский».

С. ЗАХАРОВ,
ответственный секретарь
редакции журнала «Урал».